

УДК 94(57)+94(470)
DOI: 10.17223/19988613/65/21

В.А. Герасимова, В.П. Клюева

АНТИСЕМИТИЗМ В ПОЗДНЕМ СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СИБИРСКИХ ЕВРЕЕВ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Статья посвящена малоизученной теме антисемитских проявлений в Сибири в 1950–1980-е гг. Источниками для анализа являются эго-материалы: интервью и воспоминания евреев, живущих в Сибири. Авторами выделяется государственный антисемитизм (прежде всего «дело врачей» и поступление в вузы) и бытовой. Делается вывод о том, что восприятие антисемитизма отличалось в зависимости от происхождения информантов (коренные или приехавшие). Наиболее остро антисемитизм ощущался коренными сибиряками, тогда как для приехавших Сибирь оказывалась территорией «толерантности».

Ключевые слова: антисемитизм; Сибирь; советские евреи; устная история.

Еврейская проблематика в контексте послевоенного советского периода широко представлена в российских и зарубежных исследованиях. Внимание авторов, как правило, приковано к проблемам государственной политики в отношении евреев, судьбе еврейской интеллигенции и еврейскому национальному движению, религиозной жизни, – эти работы написаны на основе архивных источников, прессы, материалов личного происхождения. Устная история как особый подход к изучению прошлого советского еврейства используется в настоящее время преимущественно в изучении остатков традиционной культуры, исторической памяти о Холокосте и национальном движении. При этом внимание исследователей приковано к территориям бывшей черты оседлости – Украине, Беларуси и пограничным ареалам, а также Москве и Санкт-Петербургу.

В контексте советского периода территория за Уралом традиционно связывается лишь с нарративами о еврейской эвакуации в годы Второй мировой войны, а также с сюжетами о позднесталинских мобилизационных кампаниях (борьба с космополитами, «дело КМК», «дело врачей» и др.) в их региональном измерении. Тема антисемитизма, безусловно, нашла свое отражение в этих работах, но не являлась предметом отдельного исследования. Если механизм реализации центральных политических установок на местах подробно изучен, то персональный опыт «обычных» советских граждан, у которых в графе «национальность» значилось «еврей / еврейка», и тем более сохранившаяся память об этом опыте, до настоящего времени оставались за пределами исследовательского внимания. Тем не менее вопросы о том, как выстраивалась логика межнациональных отношений, какую роль антисемитизм играл в повседневном взаимодействии внутри советского общества и что помнят об этом участники этого процесса, представляются весьма продуктивными.

Сибирь относится к наименее конфликтным регионам с точки зрения межнациональных отношений. Представление о Сибири как о толерантной территории,

населенной всевозможными этническими и конфессиональными группами, появившееся еще в дореволюционный период, сохраняется по настоящее время. Однако насколько «толерантным» было окружающее население к евреям в Сибири в условиях послевоенного тоталитарного советского государства, недвусмысленно транслировавшего своим гражданам идею о существовании «еврейской опасности»?

Получить ответ на этот вопрос можно, обращаясь к свидетельствам устной истории. При всех недостатках этот тип источников открывает возможности для новых объяснений и интерпретаций механизмов межнациональных отношений на уровне повседневного межличностного взаимодействия в контексте советских реалий. Устная история, как убедительно показывают многочисленные исследования, предоставляет продуктивные инструменты для изучения влияния событий «большой истории» на судьбы отдельных людей [1–2]. Оговорим, что нашей целью является не выяснение того, что «было на самом деле», а выявление особенностей конструирования исторической памяти об отношении окружающего населения к евреям в Сибири в послевоенный период. Учитывая, что это первая публикация в данной области, мы ставим своей задачей определение основных направлений для дальнейших исследований.

Методологически изучение темы антисемитизма может опираться на несколько подходов. На наш взгляд, наиболее продуктивным является обращение к понятию «культурная травма» [3–4]. Антисемитизм для всех акторов является травмирующим актом. Для евреев через антисемитизм могут конструироваться общность, единство группы (все евреи, проживающие на разных территориях, в той или иной степени ощущают негативное отношение к себе как представителям национальности), антисемитизм может выступать и маркером (не)привлекательности конкретной локации. Показателем травматичности антисемитизма выступает тот факт, что он зачастую не репрезентируется (его могут не замечать в событиях своей прошлой жизни) или, наоборот, его проявления подчеркнуты

видят во всех жизненных проявлениях. Об этом прямо сказал один из наших информантов: «Я не уверен, что я сталкивался прямо с антисемитизмом или, может, скорее, я старался [его] не замечать» (муж., 1965 г.р., IV_Tyumen_2013). Одновременно с травмой евреи, столкнувшиеся с антисемитизмом, испытывают ощущение неполноценности, иными словами, «социальную стигму» [5]. Стигматизация проявляется в осознании своей отличности от окружающего мира и от принятия этого осознания.

Эмпирическую базу данного исследования составило 51 биографическое интервью с информантами, родившимися до 1975 г., т.е. заставших жизнь в позднесоветском СССР в сознательном возрасте¹. География интервью охватывает пять городов: Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень и Тобольск. В число опрошенных вошли люди, связанные в разной степени с еврейской общинной жизнью, родившиеся не только в Сибири, но и в других частях СССР, в том числе в Украине, Беларуси, Молдавии, Казахстане. Уточним, что собранный массив данных охватывает только регионы Западной Сибири. В дальнейшем сбор материала будет расширен и на Восточную Сибирь. Архивные материалы, используемые в рамках данной статьи, носят вспомогательный характер и служат для восстановления хронологии событий и общего контекста.

Первые официальные еврейские общины за Уралом появились еще в начале XIX в. К моменту установления советской власти в большинстве городов Сибири существовали еврейские религиозные общины, действовали разнообразные общественно-политические и культурные организации. К концу 1930-х гг. в результате масштабных антирелигиозных кампаний и свертывания всех форм еврейской национальной жизни на официальном уровне в Западной Сибири продолжали существовать лишь три иудейские религиозные группы: в Томске, Омске и Новосибирске [6–9].

События Второй мировой войны заметно повлияли на этническую карту Сибири. По данным исследователей, в 1941–1943 гг. в Западную Сибирь оказались эвакуированы более 1 млн гражданских лиц [10. С. 8]. Данные об этническом составе эвакуированных нет, но сведения о количестве евреев, эвакуированных только в Новосибирскую область в 1942 г., – 27 500 человек – дают нам основание предполагать, что еврейское население Западной Сибири за годы Второй мировой войны пополнилось на десятки тысяч человек [11. С. 40]. Разумеется, большая часть эвакуированных вернулась затем на постоянное место проживания в другие регионы страны. Однако часть эвакуированных осталась в Сибири. Оценить динамику численности еврейского населения в позднем СССР мы можем по результатам переписей. Если в 1939 г. сибирских евреев, согласно переписи, насчитывалось 20 814 человек, то в 1959 г. их количество возросло до 38 352. В последующие годы их количество стало уменьшаться: в 1970 г. – 32 117, в 1979 г. – 27 190, 1989 г. – 23 281 человек [12].

Хотя религиозная составляющая еврейского самосознания является значительной, но в течение советского времени она постепенно трансформировалась в

культурную традицию. Достаточно сравнить сведения о численности еврейского населения в городах и данные по посещаемости синагог в осенние праздники, и мы увидим, что абсолютное большинство евреев-горожан плохо себе представляли, где находится синагога и тем более не посещали ее. Для примера обратимся к самым крупным по численности евреев областям – Новосибирской и Омской. Максимальная посещаемость синагоги в осенние праздники в Омске в 1950–1951 гг. фиксировалась на уровне 1 200 человек [13. Л. 43], тогда как в области проживали 9 458 евреев (по данным переписи 1959 г.). В Новосибирске сохранились данные за 1957 г.: количество иудеев, собиравшихся на осенние праздники, не превышало 1 500 человек [14. Л. 102] при численности еврейского населения всей области – 12 429 (по данным переписи 1959 г.).

Что же происходило с остальным еврейским населением Западной Сибири? Ощущали ли они свою принадлежность к еврейству, и какую роль в этом играло окружающее население?

Триггером актуализации этнической идентичности для евреев становится государственный и бытовой антисемитизм. Период разворачивания кампании борьбы с космополитизмом (1948–1953) получил в историографии название «черные годы советского еврейства», поскольку именно в эти годы руководство страны в полной мере начало антиеврейскую государственную политику, выразившуюся в масштабных репрессиях в отношении еврейской интеллигенции и других советских граждан-евреев по всему СССР [15–16].

Е. Генина в своей статье, посвященной всесоюзной кампании по «делу врачей» в ее сибирском измерении полагает, что аресты и репрессии в отношении медицинских работников и интеллигенции в разных городах Сибири в позднесталинский период свидетельствовали о возможной подготовке единого масштабного «дела» за Уралом [17. С. 84]. Что помнят об этой драматической странице советской истории евреи Сибири? Среди наших информантов были представители медицинских профессий, кто сам или члены их семей работали в сфере здравоохранения накануне смерти Сталина, однако ни одна персональная история не была связана с сюжетами о кадровых «чистках» или репрессиях². Наряду с «делом врачей» по Сибири прокатилась волна репрессивных мер в отношении гуманитарной и технической интеллигенции, объектом преследований стали преподаватели крупных региональных вузов. Е. Генина отмечает, что наибольшего размаха репрессивные кампании достигли в Омске, Томске и Сталинске (Кемеровская область, ныне Новокузнецк) [19. С. 226], однако и эта тема не нашла отражения в собранных нарративах сибирских евреев.

Так, например, коренная омичка, дочь члена еврейской религиозной общины города, проработавшая всю жизнь врачом, на вопрос о том, приходилось ли ей сталкиваться с антисемитизмом со стороны начальства, ответила отрицательно. Не отложился в памяти у нее и арест местного раввина Э.Н. Столяра и нескольких прихожан омской синагоги по обвинению в буржуазном национализме в январе 1953 г [20]. В числе свидетелей по делу проходил и отец информантки,

однако сама она, будучи уже взрослым человеком во время описываемых событий, никаких подробностей рассказать не смогла (жен., 1924 г.р. FZ_Omsk_2018). Можно было бы списать это на преклонный возраст собеседницы, но об этом событии не смогла вспомнить и внучка человека, вынужденно заменившего раввина Омска Л.М. Лендера, хотя ей в то время было 14 лет (жен., 1939 г.р. ML_Omsk_2016). А ее старшая сестра в своих письменных воспоминаниях начинает описание сюжета о том, как дедушка занял должность раввина, с общих слов: «Но настал тяжелый для еврейского народа 1953 г., Е.И. Столяра арестовали и осудили...» [21. С. 8], – Но также не приводит никаких подробностей.

Не находится места сюжетам о репрессиях и проблемах на работе также в описаниях биографий многочисленных родственников, связавших свою профессиональную деятельность с медициной. На наш взгляд, мы видим здесь пример действия механизма забвения, или вытеснения. Большая часть литературы об индивидуальной и коллективной памяти обращает внимание на то, что процесс забвения является интегральной частью воспоминания. Как и воспоминание, которое не только простое архивирование следов прошлого, забвение тоже активно принимает участие в процессах культивирования и очищения памяти от «ненужных» или «неценных» элементов [22. Р. 167]. И в данном случае мы можем предполагать, что тема репрессий является травматичной и потому «ненужной» и вытесняемой из памяти.

Общее представление о том, в чем выражался государственный антисемитизм в СССР, базируется у информантов на абстрактном знании о «деле врачей» как наиболее ярком проявлении антиеврейских настроений высшей партийной власти, повлекшем за собой волну бытового антисемитизма. Одна из информанток назвала «дело врачей» «делом евреев» (жен., 1941 г.р. LS_Tomsk_2018), напрямую связывая этот судебный процесс с судьбами всего советского еврейства. Однако в абсолютном большинстве случаев, говоря о «государственном антисемитизме», информанты вспоминали о сложностях при поступлении в вузы, профессиональных ограничениях и трудностях в продвижении по карьерной лестнице. «Когда у нас завкафедрой уходила на пенсию, мне было 48 лет <...> и все считали, что я стану заведовать, и заведующая тоже говорит, всё. И, вы знаете, ректор не утвердил меня. <...> У нас с ректором были хорошие очень отношения. А он не мог. Была процентная ставка, а у нас завкафедрой сколько было профессоров, медиков великих, ученых и известных, и куда там я. А я всё равно в этот же процент вхожу. По-моему, тогда было 3%. А у нас евреев в мединституте завкафедрой было полно. И, конечно он просто не мог, не мог» (жен., 1931 г.р. ML_Novosibirsk_2017).

При этом, вопреки ожиданиям, нередко акцент в воспоминаниях делался на собственном позитивном опыте обхода ограничений и негласной дискриминации по национальному признаку или, во всяком случае, доброжелательном отношении начальства: «...ну вот до смерти Сталина там было дело врачей, и был приказ:

всех евреев убрать. А у нас был <...> отличный такой директор, который понимал, что это же специалисты, как их уберешь, и он сделал по-хитрому. То есть они остались работать на своем месте, а тот им сделал запись, вроде как рабочие места или что, то есть итеэров нет у него» (жен., 1954 г.р. KK_Tomsk_2018).

Наиболее ярким примером «толерантности» Сибири, удаленной от пристального внимания со стороны Москвы, стали личные истории и истории близких родственников об успешных поступлениях в вузы. Приведем несколько историй на эту тему. Информант не добрал один балл при поступлении на мехмат МГУ и был тут же принят на физический факультет Томского государственного университета, а после зачисления оказался еще и старостой своей группы: «...меня назначили старостой группы, что меня тоже несколько удивило. Но в целом отношение было очень корректное и ммм... я бы даже сказал, такое, благожелательное...» (муж., 1946 г.р. ED_Tomsk_2018). Брат другого информанта поступал в МГУ, его не приняли «На экзамене указали, кто он такой, почти открытым текстом, что вы зря стараетесь, выше четверки или тройки вы здесь не получите. Открыто. А что интересно из университета нашего, ну не только из политехнического, но из университета сидят в коридоре преподаватели (Вы их видели даже?) Да, конечно. И ждут таких вот отщепенцев документы. Приехал сюда [в Томск] вообще не готовясь, и все сдал» (муж., DK_Tomsk_2018).

В некоторых случаях наши собеседники сразу отказывались поступать в тех краях, где они жили, или как минимум отказывались от выбранного вуза, объясняя эту ситуацию тем, что «в воздухе все это [носились]. Лучшие не пробовать, да, потому что бесполезное дело» (жен., 1938 г.р. LS_Tyumen_2013), или неким имплицитным опасением: «Я хотела в МГУ. И я бы поступила в МГУ, я бы прошла конкурс, но там был конкурс на общежитие, а конкурс на общежитие я бы, наверное, не выиграла. <...> Ну, может быть, как еврейка я подсознательно боялась, что я не попаду в общежитие, а жить-то мне негде было» (жен., 1926 г.р. RD_Tyumen_2013).

Вот как описывала выбор Тюмени для поступления наша информантка, родом из Жмеринки: «Дальше уже мы знали, что я учусь в школе – все нормально, а если я пойду дальше, все равно там дальше не пустят. Об этом говорили все. И поэтому, когда случилось такое, что я закончила десять классов – денег не было, чтобы дать кому-то взятку при поступлении. Давали и получалось. У кого были деньги. У нас не было денег. Мы росли без папы. <...> Поэтому мама сразу сказала, что нам даже мечтать о поступлении не стоит здесь, на Украине» (жен., 1938 г.р. LS_Tyumen_2013).

При этом информанты, переехавшие в Сибирь из западных республик Советского Союза (Украины, Беларуси, Молдавии), подчеркивали разницу в отношении к евреям в Сибири и за ее пределами. Характеризуя обстановку в белорусском селе в конце 1950-х гг., информантка вспоминала: «приехала знакомая и рассказала, что там [в Сибири] нормально, там нет антисемитизма, а в Белоруссии страшный антисеми-

тизм был» (жен., 1941 г.р. LS_Tomsk_2018). Не в пользу родины своих родителей было сравнение и другого информанта: «Такой антисемитизм в Молдавии был, многократно больше, чем в Сибири. В Сибири было значительно спокойнее» (муж., 1953 г.р., LG_Omsk_2018). О подобной оппозиции говорит и жительница Тюмени: «дома [в Дрогобыче] я всегда знала, что я еврейка... А когда я приехала сюда, я нигде не чувствовала никакого ущемления из-за национальности» (жен., 1946 г.р., SA_Tyumen_2013).

Но свидетельствуют ли истории о поступлении в вузы и устройстве карьеры тех, чьи шансы на успех в Москве и других крупных городах центральной России и западных республик были весьма сомнительны по причине «неправильной» национальной принадлежности, об отсутствии антисемитизма за Уралом? Действительно, и устные свидетельства, и архивные источники подтверждают, что директивы центральных властей о необходимости «чистить кадры» от «опасных элементов» на Урале и в Сибири во многих случаях игнорировались местным руководством. Это было вызвано прежде всего кадровым голодом, нехваткой ценных специалистов, а вовсе не особым расположением сибирских чиновников и начальников к какой-то конкретной этнической или социальной группе. Это та область, в которой «политический антисемитизм вступает в конфликт с рациональными принципами управления, которыми в той или иной мере руководствуется в своей деятельности хозяйственная элита» [18. С. 102]. Отсюда возникает вопрос: фиксировала ли память сибирских евреев другие случаи негативного отношения к себе, связанного с их национальностью, иными словами, сталкивались ли евреи в Сибири со случаями бытового антисемитизма в Сибири?

И вот здесь мы сталкиваемся с интересным противоречием – антисемитизм в Сибири одновременно и был, и отсутствовал. Это зависит от того, кто говорит об этом – коренной сибиряк или новоприехавший. Наши информанты, оказавшиеся в Сибири уже в сознательном возрасте (чаще всего приехавшие учиться или работать), отмечали в основном доброжелательные отношения с окружающим населением, подчеркивая, что здесь все было не так, как в том месте, откуда они приехали. А для урожденных сибиряков ситуация выглядела принципиально иначе. Для большинства наших информантов воспоминания о столкновении с антисемитизмом в детстве и юности были травмирующими. Личные истории большинства местных евреев полны сюжетов о многочисленных конфликтах на национальной почве: «был антисемитизм на бытовом уровне... значительный антисемитизм был на бытовом уровне не только среди детей, а среди взрослых, естественно, боялись всего, лишнего сказать» (муж., 1953 г.р. LG_Omsk_2018).

Попытки преодолеть стигму могли выражаться по-разному. Распространенным является оценка своей национальности как «ущербной» и потому высказывается желание сменить национальность: «Я была одна еврейка в классе, все это знали, у меня всегда были подружки, но меня обзывали. И даже не “жидовкой”, а “еврейкой”. Я была в детстве хорошенькой, и маль-

чишки со двора кричали мне из окон “еврейка!”, я ужасно плакала, меня это очень обижало. И я даже сама себе рассуждала: вот была еще в классе татарка, ее звали Бибисара, так вот может лучше мне было татаркой родиться, меньше бы обзывали? <...> Еще был немец в классе, его не обзывали» (жен., 1955 г.р. IA_Novosibirsk_2017). В других случаях национальность замалчивалась. Этот вариант казался продуктивным в господствующей идеологии интернационализма и «строительстве советского человека». Один из наших респондентов признался, что испытывал «синдром Штирлица», заключающийся в желании слиться с большинством: «отец совершенно четко мне передавал при любом возможном случае, что нужно скрывать о том, что ты еврей. <...> Евреем-то быть неплохо, в каком-то смысле. Что это некие выдающиеся деятели в телевизоре, но это надо скрывать. <...> Воспитание вот этого определенного комплекса, национальность скрывай, это потом я назвал “синдром Штирлица”. Никогда не расслабляйся до конца, если не хочешь, чтобы тебя раскололи» (муж., 1965 г.р., IV_Tyumen_2013).

Нарративы местных сибирских евреев, несмотря на наличие в них эпизодов конфликтов на почве антисемитизма, зачастую лишены жертвенности. В них обиженные не покидают место столкновения бегством, а активно сопротивляются оскорблениям: «Я помню случай: я была маленькая, мы были с мамой около ЦУМа, <...> мы что-то покупали в открытом киоске, и в разговоре с продавщицей та назвала маму то ли жидовкой, то ли еврейкой, а это тоже такое ругательство было, и тут мама снимает свою тонкую черную перчатку, размахивается и перчаткой бьет ее по лицу. Мама моя очень интеллигентная женщина, но за себя вот так хорошо могла постоять» (жен., 1955 г.р. IA_Novosibirsk_2017). И другой случай: «Мой отец, мне было года 4, мы шли, какой-то старик с палкой [на нас] бросился, видит, что кудрявый и черный, что еврей. <...> я помню, я маленькая, но помню, отец у меня был бойкий молодой человек, сколько ему было тогда, еще 30-ти не было, схватил палку, замахнулся на старика, тот: “Ребята, я пошутил”. Он говорит: “Сейчас мы с тобой тоже пошутим”» (жен., 1953 г.р. ER_Tyumen_2018).

Как видим, евреи демонстрировали разные поведенческие паттерны: не только «синдром Штирлица», но и ответную активность на вербальную, и не только, агрессию. Мы не можем утверждать, какое именно поведение было наиболее характерно для сибиряков. В записанных интервью встречаются описания и тех и других ситуаций. Более того, в одном и том же интервью могут быть оба варианта. Вероятно, реакция могла быть связана с конкретной ситуацией. Но не зря еще в начале XX в. сибирских евреев описывали как людей с чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия [37. С. 39].

Собранные материалы позволяют нам сделать некоторые предварительные выводы. Прежде всего, записанные нарративы четко показывают различие восприятия степени антисемитизма в Сибири. Коренные сибиряки имели прецеденты столкновений с антиев-

рейскими высказываниями и негативным отношением, связанным с еврейской национальностью. Большинство из них происходило в детские и юношеские годы. Это были проявления бытового национализма. Во взрослом возрасте таких случаев отмечается значительно меньше. Для людей, имевших опыт проживания в других регионах СССР (и прежде всего в Украине, Молдавии и Белоруссии, территориях с традиционно высоким уровнем антисемитизма местного населения), бытовой антисемитизм почти не замечался или

воспринимался сглажено. Соответственно, носители такого опыта воспроизводят образ Сибири как толерантной или интернациональной территории равных возможностей. К сожалению, мы не можем сказать, насколько уровень бытового антисемитизма коррелировал с государственным антисемитизмом. Были ли проявления в обыденной жизни более заметными в начале 1950-х гг. или во время «антиизраильской истерии» в конце 1960-х гг.? Это вопрос еще требует своего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большая часть интервью записана В. Герасимовой в рамках проекта № 17-78-10172 «Еврейские общины в Западной Сибири в системе межнациональных отношений: история и современность» в 2017–2019 гг. при финансовой поддержке Российского научного фонда. Шифр интервью, приведенный в тексте, содержит первые буквы имени и фамилии информанта, город и год записи.

² При этом исследования на основе архивных материалов и периодической печати на Урале и в Сибири демонстрируют, что местные власти, по собственному ли желанию или по необходимости, но выполняли директивы центра, а региональная пресса активно транслировала общий идеологический настрой «бдительности» и присутствия «внутреннего врага» [18, 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Veidlinger J. In the Shadow of the Shtetl. Small-town Jewish Life in Soviet Ukraine. Bloomington ; Indiana : Indiana University Press, 2013. 385 p.
2. Shternshis A. When Sonia Met Boris. An Oral History of Jewish Life under Stalin. Oxford University Press, 2017. 247 p.
3. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма : (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
5. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью // Социологический форум. 2001. № 1-4. С. 1–40. URL: <http://www.sociology.ru/forum/00-3-4gofman.html> (дата обращения: 24.12.2019).
6. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. 161 с.
7. Галашова Н.Б. Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 241 с.
8. Антропова И.Е. К истории формирования еврейских общин Тобольской губернии и г. Тюмени (XVII в. – 1837 г.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается» : из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004, С. 28–43.
9. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул : Азбука, 2013. 172 с.
10. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах / сост. и отв. ред. Л.И. Снегирева. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. Т. 1: Исход. 359 с.
11. Снегирева Л.И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 38–43.
12. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 24.12.2019).
13. Государственный исторический архив Омской области. Ф. Р2603. Оп. 1. Д. 10.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р6991. Оп. 3. Д. 776.
15. Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. М. : Междунар. отношения, 2015. Ч. 1: От царизма до победы во Второй мировой. 696 с.
16. Костырченко Г. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. Новая версия. М. : Междунар. отношения, 2015. Ч. 2: На фоне холодной войны. 536 с.
17. Генина Е.С. «Дело врачей» в Сибири (1953 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2009. Т. 8, № 1. С. 81–85.
18. Кимерлинг А. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 211 с.
19. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953). Кемерово : КемГУ, 2009. 254 с.
20. Генина Е. Тема государства Израиль в обвинениях советских евреев в 1953 г. (по материалам Западной Сибири) // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М. : Сэфер, 2008. Ч. 1. С. 282–290.
21. Лендер Б.М. Лендеры от «А» до «Я». Омск, 2008. 15 с. (Из личного архива М.М. Лендер).
22. Harrison R. Heritage. The Critical approaches. London : Routledge, 2012. 228 p.
23. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 62 с.

Victoria A. Gerasimova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Rederation). E-mail: gerasimova@bk.ru

Vera P. Kliueva, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of the problems of Northern development (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vormpk@gmail.com

ANTI-SEMITISM IN THE LATE USSR IN THE PERCEPTION OF SIBERIAN JEWS: PRELIMINARY OBSERVATIONS

Keywords: anti-Semitism, Siberia, Soviet Jews, oral history.

The paper deals with an understudied topic of anti-Semitic manifestations in Siberia in the 1950s–1980s. Despite the fact that Siberia has always been one of the least conflicting territories, anti-Semitic / anti-Jewish manifestations were also noted here. For the post-war period, they are explained by the sharp number of the Jewish population in connection with the evacuation of the 1940s. The authors aim to determine how tolerant the surrounding population was to Jews under totalitarian ideology, how Jews who differed in origin (native Siberians and immigrants) perceived and interpreted anti-Jewish statements and actions. Sources for analysis include such ego materials as interviews and memoirs of Jews living in Siberia. The authors use 51 biographical interviews collected in Siberian cities (Novosibirsk, Tomsk, Omsk, Tyumen, Tobolsk) in 2013, 2016–2018, with people born before 1975, who had experience of living in the USSR at a conscious age. The authors rely on a methodology based on the theory of cultural trauma (J. Alexander, P. Štomпка). Along with the trauma, Jews faced with anti-Semitism experienced social stigma (E. Goffman). An indicator of the traumatism of anti-Semitism is the ambivalence of its representation in memoirs, which means that the same event can be simultaneously assessed as anti-

Semitic / anti-Jewish and as an “insignificant” that does not matter. The paper discusses the manifestations of state / political anti-Semitism (the “Doctors’ plot” and discrimination in admission to universities). Examples of opposition of local administration to such a policy are given. The authors argue that for Siberia state anti-Semitism was less prevalent than in the central regions of the USSR. “Local” Siberian Jews faced domestic anti-Semitism. Most examples relate to childhood, while people of different ages could be carriers of anti-Jewish sentiments. Depending on the situation, Siberian Jews could demonstrate different behavioral patterns: retaliatory aggression against anti-Semitism or mimicry as a defensive reaction. It is concluded that the perception of anti-Semitism differed depending on the origin of the informants (“locals” or “migrants”). For immigrants from the central and western regions of the USSR who had experience living in these regions (with a traditionally high level of anti-Semitism of the local population) Siberian anti-Semitism is not actualized, while the “local” Siberian Jews who were born in Siberia felt it quite acutely.

REFERENCES

1. Veidlinger, J. (2013) *In the Shadow of the Shtetl. Small-town Jewish Life in Soviet Ukraine*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press.
2. Shternshis, A. (2017) *When Sonia Met Boris. An Oral History of Jewish Life under Stalin*. Oxford University Press.
3. Aleksander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 6–40.
4. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma: (stat'ya pervaya) [Social Change as a trauma: Article 1]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16.
5. Gofman, I. (2001) Stigma: zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu [Stigma: notes on the Management of Spoiled Identity]. *Sotsiologicheskii forum – Russian Sociological Forum*. 1–4. pp. 1–40. [Online] Available from: <http://www.sociology.ru/forum/00-3-4gofman.html> (Accessed: 24th December 2019)
6. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. — fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (the mid 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture.
7. Galashova, N.B. (2006) *Evrei v Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Jews of Tomsk gubernia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy pisatel'.
8. Antropova, I.E. (2004) K istorii formirovaniya evreyskikh obshchin Tobol'skoy gubernii i g. Tyumeni (XVII v. — 1837 g.) [To the history of Jewish communities in Tobolsk gubernia and Tyumen (the 17th century – 1837)]. In: Goldberg, R.S. & Klyueva, V.P. (eds) *Priezd i vodvorenje v Sibir' evreyam vospreshchaetsya. Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* [Jews are not allowed to come and settle in Siberia. From the history of the Jewish community in Tyumen]. Tyumen: [s.n.]. pp. 28–43.
9. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX — nachalo XX vv.)* [Jewish communities of Western Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Azbuka.
10. Snegirev, L.I. (2005) *Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh* [In the Name of Victory: Evacuation of Civil Population to Western Siberia in the Years of Great Patriotic War in the Documents and Materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
11. Snegireva, L.I. (2015) Population evacuation and railroad transport in the years of the Great Patriotic War (based on the materials about West Siberia). *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(155). pp. 38–43.
12. Anon. (n.d.) Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv [Censuses of the population in the Russian Empire, USSR, 15 independent states]. *Demoskop*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (Accessed: 24th December 2019)
13. The State Historical Archive of Omsk Region (GANO). Fund R2603. List 1. File 10.
14. The State Archive of Russian Federation (GARF). Fund R6991. List 3. File 776.
15. Kostyrchenko, G. (2015a) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm. Novaya versiya* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism. New Version]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Kostyrchenko, G. (2015b) *Taynaya politika Stalina: vlast' i antisemitizm. Novaya versiya* [Stalin's Secret Policy: Power and Anti-Semitism. New Version]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
17. Genina, E.S. (2009) “Delo vrachey” v Sibiri (1953 god) [“Doctors’ Plot” in Siberia (1953)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 8(1). pp. 81–85.
18. Kimerling, A. (2017) *Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdney stalinskoy epokhi* [Perform and dissemble: political campaigns of the late Stalin era]. Moscow: HSE.
19. Genina, E.S. (2009) *Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949–1953)* [Campaign against cosmopolitans in Siberia (1949–1953)]. Kemerovo: Kemerovo State University.
20. Genina, E. (2008) [The topic of Israel in the accusations of Soviet Jews in 1953 (based on Western Siberian materials)]. *Materialy Pyatnadsyatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaikam* [Materials of the Fifteenth Annual International Interdisciplinary Conference on Judaica]. Moscow: Sefer. pp. 282–290. (In Russian).
21. Lender, B.M. (2008) *Lendery ot “A” do “Ya”* [The Lenders from “A” to “Ya”]. Omsk: [s.n.].
22. Harrison, R. (2012) *Heritage. The Critical Approaches*. London: Routledge.
23. Ostrovsky, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: [n.d.].